ГОДЪ КІЕВСКІЯ XXXVII.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1897 года. № 5. 1 Марта

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ 1-ю недѣлю Великаго поста [1]).

Гряди по Мнѣ! (Іоан. 1, 43).

Съ такими словами обратился Господь Спаситель нашъ къ прославляемому нынѣ св. ап. Филиппу, при первой встрѣчѣ съ нимъ, и тотъ покорно слѣдуетъ за Небеснымъ Учителемъ и съ любовію посвящаетъ Ему свою жизнь. Такъ скоро, такъ могущественно, однимъ божественнымъ призывомъ, рѣшена была судьба человѣка навсегда. Это, впрочемъ, не единственное въ евангельской исторіи явленіе: подобнымъ образомъ призваны были къ апостольскому служенію и другіе свв. апостолы (Марк. 1, 17. 18. 2, 14. Матѳ. 9, 9). Много было также и въ послѣдующей исторіи Христіанской церкви поразительныхъ примѣровъ скораго и всемощнаго вліянія слова Христова на жизнь, направленіе и судьбу людей.

[1]) Члена Кіевскаго общества распростр. религ.-нравств. просвѣщенія въ духѣ Правосл. Церкви, прот. *М. Златоверховникова.*

Первый пустынножитель, св. Антоній Великій,—всѣмъ намъ хорошо извѣстный подвижникъ, св. Θеодосій печерскій,—мужественный святитель нашей церкви, св. митрополитъ Филиппъ и многіе другіе избрали путь жизни и опредѣлили свою судьбу единственно подъ вліяніемъ услышаннаго въ церкви призыва Христа слѣдовать за Нимъ и служить Ему. Но это извѣстные примѣры. А сколько неизвѣстныхъ, вѣдомыхъ только душѣ тѣхъ, которые покорялись призыву Христа и служили Ему во всю жизнь! И не всѣ ли, нужно сказать, истинные христіане становились таковыми подъ вліяніемъ слова Христа?

«Гряди по Мнѣ»! Съ этимъ призывомъ обращается Господь Спаситель ко всѣмъ людямъ и къ каждому въ частности (Матѳ. 16, 24). Онъ есть всемірный Искупитель: Его любовь обнимаетъ всѣхъ, Его ученіе—всемірное достояніе, Его помощь всѣмъ обѣщана, Его благами всѣ могутъ воспользоваться. И можно ли, узнавши Его и услышавши Его призывъ, не итти за Нимъ? Куда Онъ ведетъ? въ царствіе Божіе. Что Онъ обѣщаетъ? вѣчное блаженство. Чего Онъ желаетъ и требуетъ? истиннаго совершенства. Какими средствами Онъ располагаетъ? Истиною, добромъ, божественною благодатію, всеобъемлющею любовію. Можно ли съ Нимъ сопоставить какого-нибудь другого учителя, другого руководителя, другого благодѣтеля?

«Гряди по Мнѣ»! Этотъ сладостный, спасительный, ни съ чѣмъ несравненный призывъ Господа Спасителя коснулся въ свое время и каждаго изъ насъ, благочестивые слушатели. И благо намъ, что Онъ, по неизреченной милости Божіей, коснулся нашей души тогда, когда она была запятнана однимъ первороднымъ грѣхомъ, когда, по очищеніи сего послѣдняго благодатію

Божіею, она, какъ мягкій воскъ, при постепенномъ развитіи, могла принимать все чистое, прекрасное и совершенное. Все, что лучшаго пріобрѣтено нами въ области познанія, чувствованій и стремленій, все, что лучшаго совершено нами въ области добра, все нравственно-цѣнное, для Бога угодное и для нашего сердца пріятное и отрадное, пріобрѣтено и совершено нами подъ вліяніемъ призыва Спасителя—«Гряди по Мнѣ».

Коснулся этотъ призывъ нашей души въ свое время,—и съ тѣхъ поръ не умолкаетъ для нея. Онъ слышится яснѣе всего въ глубочайшихъ нѣдрахъ нашего духовнаго существа, когда мы отъ внѣшняго міра обращаемся къ своему духовному міру, погружаемся въ него и изслѣдуемъ его. Тамъ крупными чертами написанъ образъ Христа, которому мы обѣщались во всю жизнь служить,—начертаны правила закона, которыя мы обязались исполнять,—находятся силы естественныя и благодатныя, благодаря которымъ совершается добро, сохраняются слѣды Божьяго посѣщенія, чрезвычайнаго вразумленія, неземныхъ восторговъ, сердечнаго сокрушенія и прочихъ разнообразныхъ состояній и чувствованій, въ которыхъ выразилась наша жизнь со Христомъ и для Христа. Коснулся призывъ Христа нашей души,—и съ тѣхъ поръ слышится нами всюду и вездѣ. Откроемъ ли мы св. Евангеліе, совершаемъ ли молитву домашнюю, участвуемъ ли въ молитвѣ общественной,—вездѣ слышится нами голосъ Христа: «Гряди по Мнѣ». Заглянемъ ли въ исторію Христіанской церкви, изучаемъ-ли жизнь истинныхъ христіанъ, изслѣдуемъ ли разнообразныя проявленія христіанскаго благочестія, вездѣ слышимъ призывающій голосъ Христа слѣдовать за Нимъ и видимъ благотворныя послѣдствія сего. Прослѣдимъ ли собственную жизнь съ ея радостями и го-

ремъ, успѣхами и неудачами, паденіями и возстаніями,— все тотъ же голосъ звучитъ намъ. Даже, если разумно отнесемся и къ внѣшнему міру, то и въ немъ, какъ въ открытой библіи, увидимъ Христа и услышимъ Его призывающій голосъ. Замѣчательно, этотъ голосъ Христа нельзя устранить изъ жизни, и человѣкъ, при всемъ иногда нежеланіи слѣдовать ему, не можетъ совершенно отрѣшиться отъ него.

Къ чему-же Господь Спаситель призываетъ насъ и чего требуетъ отъ насъ? Онъ призываетъ насъ къ тому, чтобы мы шли по пути, какой Онъ открылъ и указалъ намъ, и требуетъ, чтобы мы на семъ пути руководствовались Его ученіемъ и примѣромъ. Христосъ тѣмъ отличается отъ всѣхъ учителей міра и безмѣрно превосходитъ ихъ, что Онъ не только далъ совершеннѣйшій законъ, но и представилъ въ своемъ Лицѣ наилучшій примѣръ. Призывая всѣхъ Своихъ послѣдователей къ высочайшему совершенству (Матѳ. 5, 48), Онъ именно въ Себѣ Самомъ указываетъ имъ самый лучшій образъ совершенства (Матѳ. 11, 29. Лук. 9, 52—6. Іоан. 13, 13—15). Поэтому, говоря: «Гряди по Мнѣ», Онъ какъбы такъ говоритъ каждому изъ насъ: будь, подобно Мнѣ, вѣренъ и послушенъ Отцу небесному, кротокъ и смиренъ сердцемъ, добръ и милостивъ ко всѣмъ, терпѣливъ безкорыстенъ, готовъ на полное самоотверженіе и безропотное несеніе креста.

Что можетъ быть выше и совершеннѣе сего, оправданнаго жизнью Спасителя, ученія, и какіе прекрасные плоды могутъ произойти отъ исполненія его? О, если-бы каждый изъ насъ принялъ его къ сердцу, сдѣлалъ его правиломъ своей дѣятельности и посильно осуществилъ въ своей жизни! Христосъ не требуетъ отъ насъ невозможнаго. Сколько истинныхъ христіанъ

посильно осуществили ученіе Христово и въ своей жизни и дѣятельности отразили свѣтъ совершенствъ Божіихъ? И какое сокровище міра они изъ себя представляютъ! По-истинѣ они — «соль земли», «свѣтъ міра», дѣти Божіи, избранники Божіи, избранники человѣчества.

Но если въ частной жизни истинныхъ христіанъ могутъ произойти прекрасные плоды отъ слѣдованія призыву Христа, то легко понять, что могутъ дать цѣлые христіанскіе народы, идя по пути, указанному Господомъ Спасителемъ, и руководствуясь Его примѣромъ. Одинъ за другимъ, каждый въ назначенное Богомъ время, народы удостоиваются призыва Христа и вводятся въ Церковь Христову. Что съ ними совершается, какія благотворныя перемѣны происходятъ во всей ихъ жизни, лучше всего можно видѣть изъ исторіи нашего народа. Какъ ни много было и, къ великому сожалѣнію, еще доселѣ остается прискорбныхъ явленій въ его жизни, несообразныхъ съ его высокимъ христіанскимъ званіемъ, но все-же, съ того времени какъ Господь призвалъ его служить Ему, онъ сталъ неузнаваемъ по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ былъ до обращенія своего ко Христу, — и въ послѣдующей жизни постепенно возвышался духовно и совершенствовался нравственно. Это возвышеніе и совершенствованіе выразились въ устроеніи свв. храмовъ и монастырей, въ широкой общественной и частной благотворительности, въ стояніи за Вѣру и Отечество, въ улучшеніи отношеній между обществами и частными лицами, въ проникновеніи христіанскимъ духомъ законодательства и просвѣщенія, въ терпѣливомъ перенесеніи различныхъ бѣдствій, въ твердомъ уповании на Промыслъ Божій и т. д. Все это, свидѣтельствуя о народномъ настроеніи и благочестіи, было посильнымъ отвѣ-

томъ Христу на призывъ—служить Ему. Не забудемъ при этомъ, что народъ нашъ многократно удостоивался чрезвычайныхъ милостей Божіихъ и воспиталъ многихъ угодниковъ Божіихъ, которые съ особенною любовію слѣдовали за Христомъ, съ величайшимъ усердіемъ служили Ему и достигли возможнаго на землѣ совершенства и уподобленія Христу. О, еслибы онъ и теперь, и впредь сохранялъ, продолжалъ и развивалъ то, что полезнаго, свѣтлаго и совершеннаго видитъ въ прошлой исторіи, и устранялъ изъ жизни то, что несообразно съ его христіанскимъ званіемъ и назначеніемъ! Аминь.

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ

о блудномъ сынѣ [1]).

Изъ года въ годъ, предъ наступленіемъ Великаго поста, вы слышите, бр., чтеніе евангельской притчи о блудномъ сынѣ. Для чего это? Для того, чтобы помнить, что есть среди насъ заблудшія дѣти Отца Небеснаго, какъ бываютъ и у земныхъ отцовъ непослушныя, своевольныя и заблудшія дѣти,—для того, чтобы показать намъ, что заблудшихъ, но искренно кающихся дѣтей Отецъ Небесный всегда принимаетъ съ любовью,—что радость великая бываетъ на небеси и объ одномъ кающемся грѣшникѣ подобно тому, какъ и въ семьѣ отца земного бываетъ великая радость, когда пропавшее и заблудившееся дитя, послѣ долгихъ скитаній, возвращается въ объятія отца и матери со многими слезами. И забыты тогда всѣ скорби и страданія, всѣ муки

---

[1]) Члена кіевскаго Общества распространенія религ.-нравств. просвѣщенія въ духѣ Прав. Церкви, свящ. *А. Клитина*.

и слезы, всѣ обиды и оскорбленія; ибо непокорный сынъ со слезами вернулся домой.

Вотъ какъ говорится объ этомъ въ евангельскомъ чтеніи. У одного человѣка было два сына. И младшій сказалъ отцу: отецъ, дай мнѣ слѣдуемую мнѣ часть имѣнія,—и раздѣлилъ отецъ имѣніе. Получивъ свою часть, младшій сынъ, послѣ нѣкотораго времени, ушелъ отъ отца своего въ далекую страну и тамъ прожилъ все, что имѣлъ, — прожилъ, можетъ быть, и весело, но блудно. Какъ разъ въ это время настала голодъ въ странѣ той и голодъ великій. И блудный сынъ сталъ терпѣть большую нужду. Тогда онъ пошелъ и нанялся въ пастухи къ одному изъ жителей той страны и уже радъ былъ насытиться и тѣмъ, чѣмъ питались свиньи. Но, наконецъ, и этой пищи не стали ему давать. Вотъ когда страшное горе постигло блуднаго сына! Тогда-то онъ опомнился, пришелъ въ себя и сказалъ самъ себѣ: «сколько наемниковъ у отца моего, и всѣ они съ избыткомъ имѣютъ хлѣбъ, а я, родной сынъ, не имѣю хлѣба и погибаю отъ голода. Встану я и пойду къ моему отцу и скажу ему: отче, согрѣшилъ я и на небо и предъ тобою, прими меня хоть въ число твоихъ наемниковъ, ибо я уже недостоинъ называться твоимъ сыномъ». И вотъ всталъ блудный сынъ и пошелъ. А сердце отца уже слышало шаги сына. И когда онъ еще былъ далеко, отецъ увидѣлъ его, побѣжалъ ему на встрѣчу, ибо милъ ему былъ, и облобызалъ его. Сынъ же палъ на колѣни и сказалъ ему: «отче, согрѣшилъ я на небо и предъ тобою, и уже не достоинъ быть твоимъ сыномъ, сдѣлай меня хотя своимъ наемникомъ! Тогда растроганный отецъ сказалъ слугамъ своимъ: «принесите одежду лучшую и одѣньте его, на руку его возложите дорогой перстень, и привидите лучшаго откорм-

леннаго тельца, заколите его и будемъ ѣсть и веселиться. Ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся. И начали всѣ веселиться.

Эта семейная исторія намъ слишкомъ знакома. И нужно-ли говорить, что, къ сожалѣнію, не мало есть семействъ, гдѣ отцы и матери плачутъ горько и глубоко, плачутъ явно и тайно о своихъ заблуждающихся дѣтяхъ? А еще болѣе, нужно ли пояснятъ, какая великая радость бываетъ, когда родители видятъ дѣтей своихъ возвращающимися на правильный и благоустроенный путь жизни, съ раскаяніемъ въ сердцѣ и съ именемъ Господа на устахъ?... Но, бр., эта исторія есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и притча, или иносказаніе. Она объясняетъ намъ отношенія Отца Небеснаго-Бога къ намъ людямъ, потому что мы дѣти Отца Небеснаго. Что блудный сынъ для отца земного, то грѣшникъ для Отца Небеснаго. Не такъ-ли и грѣшникъ, получивъ всѣ дары отъ Господа, забываетъ Его и растрачиваетъ всѣ свои силы и способности на блудную и плотскую жизнь? Хорошій былъ человѣкъ, иногда говоримъ мы о комъ нибудь, но не совладалъ съ своими страстями, притупилъ умъ и потерялъ здоровье; умный былъ человѣкъ, говоримъ также о комъ нибудь другомъ, но страсть къ напиткамъ лишила его мѣста службы, разстроила здоровье и всю семью повергла въ глубокую бѣдность. Умный, но безсердечный и злоязычный,—умный, но гордый и злой; добрый и пріятный человѣкъ,—но бездѣльникъ и плотоугодникъ и т. д. и т. д. Сколько среди насъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ безпечныхъ грѣшниковъ! И живутъ себѣ эти веселые и безпечные грѣшники спокойно до тѣхъ поръ, пока страшное горе какое либо не разразится надъ ихъ головой. А горе то все и идетъ отъ страстей. Разовьются эти страсти, начнутъ терзать

сердце человѣка,—тогда то онъ приходитъ въ себя, вдумывается въ свою жизнь,—тогда то онъ слезами своими омываетъ постель свою,—и дома, въ тишинѣ ночной, или въ храмѣ Божьемъ, молитву проливаетъ ко Господу и вопіетъ къ Нему: «Господи, какъ я тяжко предъ Тобою согрѣшилъ, сколько разъ обижалъ ближнихъ моихъ! Мнѣ ли простишь, Господи? Меня ли услышишь съ высоты небесъ Твоихъ и отъ престола Твоего? Помилуй меня, Боже, помилуй мя»!

И тогда скажетъ Господь кающемуся грѣшнику: «пріиди, благословенное чадо Отца Моего! Ты было въ смерти, но нашло жизнь; ты блуждало и страдало, но нашло домъ Отца своего!». И радость великая въ той часъ бываетъ въ небесахъ...

Такъ, бр., если мы, при всей своей злости, лукавости и лживости, умѣемъ давать благія даянія чадамъ своимъ, не тѣмъ ли болѣе Отецъ нашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него? Если мы умѣемъ прощать своихъ блудныхъ дѣтей, какъ бы они насъ ни огорчали, какъ бы глубоко ни оскорбляли, не тѣмъ ли болѣе Отецъ Небесный приметъ въ объятія Свои всякаго кающагося грѣшника, какъ бы глубоко онъ ни палъ. Будемъ же по чаще приходить въ себя, сознавать въ себѣ свои заблужденія, исповѣдывать грѣхи свои и, взирая на всегда готовое къ намъ милосердіе Божіе, будемъ взывать ко Господу: «Боже! согрѣшили мы предъ Тобою! Милостивъ буди къ намъ грѣшнымъ»!... Аминь.

Молитва.

Какъ мытарь я согрѣшаю
И, бія рукою въ грудь,
Съ сокрушеньемъ повторяю:
Боже, милосерденъ будь!
Я безумствовалъ доселѣ,
Время попусту губилъ,—
Все заботился о тѣлѣ,
О душѣ жъ своей забылъ.
Горе грѣшному мнѣ, горе!
Мѣры нѣтъ моей винѣ:
Во грѣхахъ своихъ, какъ въ морѣ,
Предстоитъ погибнуть мнѣ.
Во грѣхахъ я утопаю;
Но, сознавъ вину свою,
Въ грудь рукою ударяю
И обильно слезы лью.
Ты Одинъ мое спасенье—
Мой сладчайшій Іисусъ,
Шлю горячее моленье
И душой къ Тебѣ несусь.
Милости Твоей нѣтъ мѣры
И любви Твоей границъ;
Ты прощаешь ради вѣры
И злодѣевъ и блудницъ.
И съ меня сними Ты бремя
Беззаконій и грѣховъ:
Да спасусь; пока есть время,
Отъ погибельныхъ оковъ.
За грѣхи мученья ада
Нераскаявшихся ждутъ.
О, надеждо и Отрадо,
Боже, милосерденъ будь!
Богоматерь Пресвятая!
Ты Заступница земли,

Сына Своего, благая,
О душѣ моей моли!
Не прощенія, а гнѣва
Я достоинъ передъ Нимъ;
О приди, Святая Дѣва,
Съ заступленіемъ своимъ!
Весь въ слезахъ, съ молящимъ взоромъ,
Я взываю предъ Тобой;
Чудотворнымъ омофоромъ
Ты, какъ мать, меня покрой!

Свящ. *Іаковъ Ганицкій.*

Предъ говѣньемъ.

Время умиленья,
Покаянья, слезъ
И грѣховъ прощенья
Постъ святой принесъ.
Нынѣ старъ и молодъ,
Чтобъ душой ожить,
Свой духовный голодъ
Долженъ утолить.
Исповѣдь, Причастье
Всякъ принять спѣши;
Въ этомъ жизнь и счастье
И покой души.
Смѣло жъ къ аналою
Каяться иди
И, скорбя душою,
Съ вѣрою пади.
Не стыдись, не бойся;
Благъ духовный врачъ;
Но во всемъ откройся
И молись и плачь.

Многими грѣхами
Всякъ изъ насъ объятъ;
Кайся жъ со слезами
Во Христѣ, мой братъ.
Вознеси молебный
Покаянья гласъ—
И бальзамъ цѣлебный
Ты найдешь тотчасъ.
Всѣ недуги наши
Исцѣляетъ Богъ;
Изъ Христовой Чаши
Льетъ Онъ намъ бальзамъ.
Чти жъ святое дѣло:
Будь вкусить готовъ
Истинное Тѣло
И Честную Кровь!
Лишь не въ осужденье
Къ Тайнѣ приступай,
Но во исцѣленье
Плоть Христа вкушай.
Будь, не какъ Іуда,
Но, какъ рабъ Христовъ,
Вѣруй въ силу чуда:
Это Плоть и Кровь.
Воззови же въ страсѣ,
Въ трепетѣ святомъ:
«Помяни мя, Спасе,
«Въ царствіи Твоемъ!».

Свящ. *Іаковъ Ганицкій.*

Слово и рѣчь при гробѣ прот. Н. А. Ѳаворова.

При окончаніи отпѣванія прот. Н. А. Ѳаворова, законоучителемъ Кіевской 1-й гимназіи протоіереемъ М. Златоверховниковымъ была сказана слѣдующая рѣчь:

Годъ тому назадъ, торжественно чествовалась полувѣковая дѣятельность досточтимѣйшаго старца, гробъ котораго мы окружаемъ. Въ семъ храмѣ Божіемъ приносилось благодареніе Господу за успѣхъ ея; а въ здѣшнемъ святилищѣ науки она была во всей полнотѣ описана и по всей справедливости оцѣнена. То былъ свѣтлый праздникъ какъ для чествуемаго, такъ и для почитателей его. Въ немъ выразились исполненный долгъ, искренняя любовь, сердечный союзъ, участливая благожелательность, почтительная признательность. Но въ этомъ свѣтломъ праздникѣ былъ и признакъ приближающагося вечера. Насталъ вечеръ и за нимъ угасла дорогая жизнь.

О, какъ здѣсь дорожили этою, угасшею нынѣ, жизнію, какъ тревожились за нее, какъ берегли ее, какъ желали продлить ее! Но воля Божія совершилась, жизнь кончилась.

При отданіи послѣдняго долга любви и почтительности къ почившему, естественно возстановить образъ его и указать то, что особенно въ немъ выразительнаго, свѣтлаго и привлекательнаго. Предъ нами, прежде всего, является образъ его, какъ учителя Вѣры. Богато одаренный, широко образованный, всесторонне развитый, почившій, по изволенію Божію, посвятилъ себя служенію Церкви Христовой. Сначала онъ дѣйствовалъ въ средѣ, съ которою былъ сроденъ по происхожденію, образованію и направленію. Выдающіяся достоинства его, какъ учителя и человѣка, доставили ему почтенную извѣстность и глубокое уваженіе. Когда праздновалась здѣсь полувѣковая дѣятельность почившаго, принялъ сердечное участіе въ праздникѣ и нашъ Первосвятитель и, какъ признательный ученикъ, воздалъ должное своему учителю. Доброе и отрадное свидѣтельство!

Затѣмъ, дѣятельность почившаго перенесена была въ новую среду, въ которой требовалась, при высокомъ образованіи и развитіи, особенная чуткость къ явленіямъ времени, особенная тактичность въ отношеніяхъ къ людямъ и особенная умѣлость въ исполненіи своего долга. Болѣе чѣмъ къ другому, къ нему здѣсь относилось слово Спасителя міра, Просвѣтителя людей: «вы соль земли, вы свѣтъ міра. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ че-

ловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ» (Мат. 5, 13—15).

И почившій былъ усерднымъ исполнителемъ этого слова. Онъ былъ истиннымъ свѣтильникомъ Церкви Христовой. Какой свѣтъ вѣры и истины отъ него происходилъ, какое дѣйствіе производилъ и въ чемъ выразился, здѣсь хорошо знаютъ. Дорогой гробъ окружаютъ и тѣ, которые въ свое время пользовались сіяніемъ сего свѣта, и сами распространяютъ свѣтъ науки. Но не можемъ обойти молчаніемъ одного, замѣчательнаго, по нашему мнѣнію, явленія изъ просвѣтительной дѣятельности почившаго.

Кто не знаетъ, какую печальную извѣстность въ шестидесятыхъ годахъ получило сочиненіе подъ названіемъ «Жизнь Іисуса»,— какъ это произведеніе недавно скончавшагося писателя сильно дѣйствовало на колеблющіеся умы и какъ пагубно отражалось на ихъ направленіи. Въ немъ живая и смѣлая фантазія представила выдуманнаго Іисуса, который нисколько не соотвѣтствовалъ евангельскому образу Христа, какъ Сына Божія, Искупителя человѣчества. Опасно было это произведеніе для нетвердыхъ въ религіозныхъ познаніяхъ и склонныхъ къ увлеченіямъ всякаго рода потому, что въ немъ извращеніе драгоцѣннаго образа Спасителя міра совершалось съ кажущимися благоговѣніемъ и любовію къ Нему.

Противъ неправды, допущенной въ указанномъ произведеніи, выступилъ почившій съ рядомъ публичныхъ чтеній въ семъ храмѣ науки и отлично съумѣлъ обличить ложь и показать истину. Это было не только замѣтнымъ явленіемъ, но и замѣчательнымъ подвигомъ. За него мы и теперь приносимъ ему глубочайшую благодарность. Несомнѣнно, имъ были предостережены и спасены многія христіанскія души отъ соблазна и увлеченія.

Предъ нами, затѣмъ, является образъ почившаго, какъ пастыря церкви, живущаго одною жизнію съ паствой. Какъ будто и теперь слышится тихій, проникнутый вѣрою, ясный, выразительный и благоговѣйный голосъ его во время богослуженія. Сердечною мягкостію онъ отзывался въ душѣ молящагося и производилъ доброе дѣйствіе. А какъ онъ былъ поучителенъ въ то время, когда еще крѣпки были тѣлесныя силы, когда немощь тѣла не препятствовала проявленію духа! Всѣмъ извѣстно, какъ почившій

всегда былъ отзывчивъ къ горю: «скромный, кроткій, проникнутый высокою христіанскою любовію, онъ всегда находилъ слово утѣшенія, успокоенія и ободренія». Если бы мы захотѣли указать особенно выдающіяся свойства, которыя были въ основѣ его пастырскаго отношенія къ ближнимъ, то несомнѣнно должны признать таковыми кротость и миролюбіе. Въ теченіе многолѣтняго сношенія съ людьми, онъ никого не раздражилъ, никого не озлобилъ, никого не оттолкнулъ отъ себя. Даже и тогда, когда, повидимому, возможно проявленіе недовольства, онъ умѣлъ сохранить спокойствіе духа и благостное отношеніе. Потому то и любили и уважали кроткаго и миролюбиваго пастыря, какъ достопочтенные сослуживцы его, такъ и отзывчивые на добрыя чувствованія слушатели. Въ немъ, въ его образѣ они видѣли тѣ свойства, которыя внушалъ своимъ послѣдователямъ Небесный Пастыре-начальникъ Христосъ: «научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ» (Мат. 11, 29),—и—«миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ» (Іоан. 14, 27).

О, да будетъ благословенъ этотъ миръ Божій въ отношеніяхъ людскихъ и да будетъ милость Господа къ тому, кто въ продолженіе многихъ лѣтъ жилъ въ мирѣ съ своими ближними и заслужилъ ихъ любовь и почтеніе.

По окончаніи рѣчи печальное шествіе двинулось изъ церкви по корридорамъ Университета. Гробъ почившаго несли на плечахъ священнослужители. Студенты Университета несли вѣнки, возложенные на гробъ профес. Н. А. Ѳаворова, и ордена на нѣсколькихъ подушкахъ. Гробъ былъ внесенъ въ аванзалъ, прилегающій къ актовому залу Университета. Здѣсь проф. А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ была произнесена слѣдующая рѣчь:

«Возлюбленный духовный отецъ, дорогой незабвенный товарищъ! Прежде чѣмъ твой прахъ переступитъ за порогъ этого храма науки, въ которомъ такъ долго и такъ доблестно твое слово толковало Слово Божіе, а ты самъ своимъ образомъ жизни подавалъ назидательный примѣръ твоимъ ученикамъ и товарищамъ,—прежде чѣмъ мы скажемъ тебѣ послѣднее прости, отъ лица твоихъ духовныхъ чадъ и товарищей я скажу, чѣмъ ты былъ для насъ и что теряемъ мы разставаясь съ тобою.

Люди науки, въ своихъ изслѣдованіяхъ мы держимся анализа и эксперимента. Это черствитъ человѣческое сердце, наклоняетъ умъ къ сомнѣнію и невѣрію. Черствое сердце, сомнѣвающійся умъ! Такое состояніе тяжело для человѣческой души, жаждущей примиренія и гармоніи. Эту гармонію и примиреніе ты давалъ намъ, возбуждая глубокія религіозныя чувства. Въ университетѣ св. Владиміра, благодаря тебѣ, могла разрѣшаться великая трудноразрѣшимая задача: единеніе вѣры и знанія, союзъ религіи и науки. Не суровымъ словомъ обличенія, не нетерпимостью къ свободной мысли ты достигалъ этой цѣли. Ты достигалъ ея, являя собою истинний образъ пастыря Церкви первыхъ вѣковъ христіанства, когда мечь духовный не употреблялся для достиженія вещественныхъ благъ. Тебѣ обязаны мы сладкими минутами вѣры, религіознаго настроенія, и не забыть намъ твоего глубоко-христіанскаго, глубоко-религіознаго образа, во время совершаемыхъ тобою священнодѣйствій. Никогда не забыть намъ тебя, дорогой товарищъ,—и Университетъ, въ которомъ ты старался разрѣшить великую задачу примиренія науки и религіи, навсегда сохранитъ тебя въ своей исторіи. Прости, прощай!».

Памяти каѳедральнаго протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева.

По глубокому уваженію къ почившему прот. П. Г. Лебединцеву, постараемся воскресить въ памяти тѣ черты изъ его жизни, которыя мало извѣстны другимъ, но безъ которыхъ не выясняются личности видныхъ общественныхъ дѣятелей. Начнемъ съ родословной почившаго. Прадѣдъ о. прот. П. Г. Лебединцева былъ вольный казакъ изъ полтавской губ., переселившійся въ м. Вязовокъ, кіевской губ.,—имѣніе князя Любомирскаго. Имя и фамилія этого прадѣда неизвѣстна,—а жена его звалась Ирина. У нихъ было два сына—Григорій и другой неизвѣстный по имени. Они были малолѣтними, когда умеръ ихъ отецъ; мать ихъ вышла замужъ за вдовца, вольнаго жителя м. Вязовка, Василія Лебединця, предки

котораго были также выходцы изъ полтавской губ. Такимъ образомъ, родоначальникъ Лебединцевыхъ принялъ чужую фамилію. Приведу выдержку объ этомъ изъ письма Петра Гавриловича отъ 1878 года 25 января къ одному его родственнику, с. Вороновки священнику Іоанну Яновскому. «Расширять свои земельныя владѣнія не имѣю особеннаго желанія. Хуторъ Лебединцевыхъ хотя и носитъ нашу фамилію, но особеннаго родоваго значенія для насъ не имѣетъ, такъ какъ первый владѣлецъ его Василій Лебединецъ былъ отчимъ нашему дѣду Григорію, принявшему его фамилію, а прямые потомки его въ Вязовкѣ, дѣти первой жены Василія и второй, нашей прабабки, которая вышла за него замужъ, имѣя отъ перваго брака двухъ малолѣтнихъ сыновей Григорія и N, а съ нимъ прижила Власса и Никиту. Свѣдѣніе точное о нашемъ родствѣ съ хуторомъ лебединцевыхъ сообщаю при семъ потому, что оно невѣрно передано въ біографіи нашего отца, помѣщенной И. Н. Г. въ «Странникѣ». Въ той же біографіи сказано, будто мать наша прошла въ спальню митрополита Серапіона. Это сказано также невѣрно: она попала, вмѣсто комнаты конторщика, въ буфетъ, гдѣ застала митрополита осматривавшимъ бутылки съ виномъ».

Василій Лебединецъ, имѣвшій отъ двухъ женъ 12 сыновей, съ особенною любовію относился къ пасынку своему Григорію, обучилъ его грамотѣ,—и онъ, пройдя всѣ низшія церковныя ступени, сталъ священникомъ въ с. Зеленой Дубровѣ, женившись на дочери перваго священника сего села, Марѳѣ Михайловнѣ Ильяшевичевой. Воспитатель Григорія Лебединцева, отчимъ его, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Въ одной народной пѣснѣ изъ Вязовка, начало которой только уцѣлѣло въ моей памяти— «Ой поихавъ панъ Лебединецъ до млына», выразилось глубокое къ нему уваженіе крестьянъ. Владѣлецъ м. Вязовка, князь Любомирскій былъ кумомъ у него, при крещеніи одного изъ сыновей, и, въ знакъ особеннаго уваженія къ нему, подарилъ ему около 500 десят. земли. Подъ руками у меня копія этой дарственной на польскомъ языкѣ, добытая вязовскими потомками Василія Лебединця въ 1866 г. съ актовой книги черкасскаго уѣзднаго суда. Это даетъ мнѣ возможность исправить мои прежнія неточныя свѣдѣ-

нія. 1772 г. 23 іюля князь Любомирскій далъ дарственную запись Василію Лебединцу и его братьямъ съ правомъ потомственнаго пользованія на черный лѣсъ, подъ названіемъ «Лебединецъ», съ сѣнокосами тамъ находящимися, ограниченный съ одной стороны стрынушенковой долиной, съ другой по рѣку Топильну, съ третьей по лѣсокъ кляпки, купленный нѣкогда Лукіаномъ отъ Захарка обыкновеннымъ порядкомъ до скарбу», т. е., на чиншевыхъ правахъ. Изъ этого документа видно, что у Василія Лебединця было еще пять родныхъ братьевъ—Алексѣй, Стефанъ, Иванъ, другой Стефанъ и другой Алексѣй. Эти шесть братьевъ были правнуки какого то Лукіана Рудія, то же жителя вязовскаго. Недолго пользовались Лебединци дарственной землею; жена Власса, сына Василія, по какому то случаю, когда собрались у нея гости, показала имъ дарственный документъ и нечаянно облила его водкой,—положила на горячую печь, чтобы просушить, но онъ сотлѣлъ. Это случилось по смерти князя Любомирскаго. Изъ сыновей Василія Лебединця—Исидоръ и пасынокъ его Григорій пробили себѣ дорогу, остальные же попали въ кабалу и стали крѣпостными. Исидоръ пошелъ въ солдаты, но, благодаря природнымъ способностямъ, добился маіорскаго чина,—въ старости женился въ Петербургѣ и его дѣти доселѣ живы—Георгій и Марья, носящія первоначальную фамилію Лебединцивъ. Родоначальникъ Лебединцевыхъ Василій по исповѣдной росписи вязовской церкви за 1802 годъ имѣлъ 80 лѣтъ, жена его Ирина 75, а первая его жена по преданію была Маруся. Умеръ онъ послѣ 1807 г. Григорій Лебединецъ, еще до принятія священства, первый сталъ называться Лебединцевъ, т. е. сынъ Лебединця—ева; онъ священствовалъ въ Зеленой Дубровѣ, послѣ смерти своего тестя, перваго зеленянскаго священника, начавшаго службу съ 1773 г. и умершаго въ 1826 г. на 58 году. Григорій Лебединцевъ былъ сотрудникомъ протоіерею Радзимовскому по обращенію уніатовъ въ православіе; у него было, кромѣ дочерей, два сына Гавріилъ и Василій, умершій въ малолѣтствѣ. Жена его Марѳа Михайловна умерла 15 авг. 1851 г., имѣя отъ роду 76 лѣтъ. Священникъ Гавріилъ Лебединцевъ, отецъ Петра Гавриловича, учился въ старой Кіевской Академіи, но какъ то упалъ и повредилъ себѣ ногу. Родители взяли его къ себѣ домой

въ 1808 г. и, моля Бога объ исцѣленіи, отдали его въ Мошногорскій монастырь, гдѣ онъ пробылъ два года. По выходѣ изъ монастыря, служилъ при зеленянской церкви въ званіи пономаря, а потомъ 1814 года былъ стихирнымъ дьячкомъ въ с. Козацкомъ, вблизи Зеленой Дубровы; 1816 г. 4 іюля, по резолюціи митрополита Серапіона, епископомъ Иринеемъ рукоположенъ въ священника въ с. Яблуновку, а съ 1826 г. переведенъ на отцовское мѣсто. Остановимся на женитьбѣ его. Въ іюнѣ м. 1816 г. дочь священника с. Яблоновки, каневскаго у., Ѳекла Іосифовна Вакуловская ѣхала съ своимъ дѣдомъ, с. Торговицы уманскаго уѣзда, священникомъ и по дорогѣ домой заѣхали покормить лошадей къ священнику с. Зеленой Дубровы о. Григорію Лебединцеву. Дѣдъ ея зашелъ въ домъ, а Ѳекла Іосифовна оставалась на повозкѣ, не желая стѣснять собою никого въ домѣ чужого священника. О. Григорій упросилъ ее зайти въ домъ; даромъ слова она поразила его,—отъ нея узналъ, что она сама испросила себѣ отцовскій приходъ. Собирались уѣзжать, но о. Григорій упросилъ ихъ обночевать. Еще до утренней зари, онъ послалъ за сыномъ своимъ въ с. Козацкое и когда тотъ явился, сказалъ Ѳеклѣ Іосифовнѣ: «вотъ вамъ, барышня, и женихъ, мой единственный сынъ». Въ этомъ же мѣсяцѣ они были повѣнчаны въ м. Корсунѣ каневскаго уѣзда, роднымъ дядею Ѳеклы Іосифовны корсунскимъ священникомъ, Яковомъ Завадскимъ. Печальна судьба Ѳеклы Іосифовны. Отецъ ея былъ лишенъ прихода за передержательство у себя какихъ то бродягъ; въ отчаяніи за то, что его безвинно лишили прихода, когда митрополитъ Серапіонъ объѣзжалъ епархію, онъ бросилъ въ карету его камнемъ,—за что лишили его сана, и онъ окончилъ жизнь свою объѣзчикомъ въ корсунскомъ имѣніи. Бродяжничество—обычное явленіе первой четверти настоящаго вѣка; не только крестьяне убѣгали и скрывались отъ своихъ жестокихъ помѣщиковъ, но почемуто и духовные—пономари и дьячки; въ числѣ сбѣжавшихъ былъ и іеромонахъ Іосифъ изъ подольской губ., примѣты котораго описывались такъ: росту малого, волосы на головѣ и бородѣ темно-русые, лицо щупловатое, лѣтъ ему отъ роду 44. Священникамъ предписывалось, если гдѣ объявятся сбѣжавшіе изъ духовнаго званія, подъ конвоемъ препровождать ихъ къ мѣстному благочин-

ному. Священникъ маленькаго прихода села Яблоновки сдѣлался жертвою не въ мѣру поусердствовавшей полиціи въ отысканіи бѣглецовъ, нашедшихъ себѣ тихое пристанище въ домѣ священника. Позднѣе самъ о. Гавріилъ подвергался опасности за передержительство; приставъ 1 стана звенигородскаго уѣзда, возбудилъ противъ него дѣло о передержительствѣ богуславскаго уѣзда с. Масловки крестьянина Власса Карпенка; въ 1844 г. того же уѣзда с. Таращи крестьянинъ Симеонъ Савченко на допросѣ у пристава 3 стана 29 февраля, между прочимъ, показалъ, что прошлаго года, осенью, находился на передержительствѣ у священника с. Зеленой Дубровы о. Гавріила два мѣсяца, занимался молотьбою хлѣба и другими работами, за что получилъ ассигнаціями 10 р. Произведено было слѣдствіе гражданскою властію, при участіи депутата отъ духовной стороны, священника Шмигельскаго. То и другое слѣдствіе не оставило для о. Гавріила особыхъ непріятныхъ послѣдствій. Выходитъ, что о. Іосифъ Вакуловскій пострадалъ за то, что имѣлъ чужихъ работниковъ, которымъ платилъ деньги; но въ тѣ времена не церемонились съ лицами, которыхъ называютъ свѣтомъ міра, солію земли. Когда о. Іосифа Вакуловскаго лишили прихода, никто изъ родственниковъ не рѣшился просить о предоставленіи за дочерью его мѣста. Обладая твердымъ характеромъ, съ мѣдными грошами въ карманѣ, Ѳекла Іосифовна сама отправилась въ Кіевъ къ митрополиту Серапіону и, упавши къ ногамъ, изложила свою просьбу, сказавъ: «если отецъ мой и виноватъ, то я не виновата». «Богъ съ тобою, отвѣтилъ митрополитъ, встань, Яблоновка за тобою, хотя она и занята». Получивши приходъ, она была разборчива въ выборѣ жениха,—ей случалось нѣсколько, въ томъ числѣ и дѣдъ извѣстнаго малороссійскаго писателя Ивана Семеновича Левицкаго, Стефанъ Левицкій, проживщій въ священствѣ около 60 лѣтъ.

Священническое служеніе о. Гавріила началось въ 7-классномъ приходѣ, с. Яблоновки, на правой сторонѣ рѣки Роси, въ 4 верстахъ отъ м. Стеблева. Въ этомъ селѣ у о. Гавріила родились дѣти: Мотрона въ 1817 г.,—Арсеній въ 1818 г., 2 марта,—Петръ 1819 г. 21 декабря,—Даніилъ 1821 г. 15 декабря,—Евфросинія 1823 г., остальные—Андрей, Ѳеофанъ и Марѳа въ с. Зеле-

ной Дубровѣ. Вотъ тѣ два села, о которыхъ въ журналѣ «Русская Мысль» (1893 г. м. мартъ), въ статьѣ «дѣтство и отрочество Тараса Григоріевича Шевченка» пишется: «нельзя не замѣтить, къ характиристикѣ двухъ уголковъ, о которыхъ я говорю, что въ теченіе послѣдняго вѣка и наука и литература имѣли уроженцевъ изъ этой же мѣстности, Ѳ. Г. и П. Г. Лебединцевыхъ. «Просматривая сохранившуюся журнальную запись разнаго рода консисторскихъ указовъ и благочиннических циркуляровъ, писанную рукою о. Гавріила съ 1823 по 1844 г. включительно, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторые особенные случаи изъ яблоновской жизни о. Гавріила, которые такъ или иначе отразились на впечатлительной натурѣ Петра Гавриловича. Въ маѣ 1823 г. на указъ консисторскій, по доносу маршала, т. е. управляющаго имѣніемъ, о вымогательствѣ священниками при бракосочетаніи крестьянъ, съ боку журнала рукою о. Гавріила прописано: «далъ объясненіе, что ложно доноситъ г. Головинскій, да и не ему бы слѣдовало, а самимъ крестьянамъ жаловаться». Въ августѣ мѣсяцѣ того же года яблоновскій экономъ Лущевскій произвелъ самовольную порубку лѣса на церковной землѣ и уничтожилъ на поляхъ межевые знаки,—о чемъ о. Гавріилъ возбудилъ судебное дѣло. Въ октябрѣ м. того же года, на приглашеніе къ пожертвованіямъ на сооруженіе храма на Куликовомъ полѣ, во имя преподобнаго Сергія, рукою о. Гавріила отмѣчено: «на сооруженіе храма внесено 11 р. 36 к., а священникъ Гавріилъ Лебединцевъ пожертвовалъ Богу извѣстное количество денегъ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ, какъ замѣтно, пробивается заря тѣхъ щедрыхъ пожертвованій, какія втайнѣ дѣлалъ Петръ Гавріиловичъ. Второе и послѣднее мѣсто о. Гавріила—с. Зеленая Дуброва. Жители ея были вольные люди, но, чрезъ 20 лѣтъ послѣ поселенія ихъ, князь Любомирскій продалъ ихъ, какъ крѣпостныхъ, князю Потемкину; с. Зеленая Дуброва затѣмъ перешло къ племяннику его Энгельгарду, а отъ сего послѣдняго къ сестрѣ его Александрѣ Васильевнѣ Браницкой. Столь именитые владѣльцы не постыдились отнять у отца о. Гавріила Лебединцева 5 десят. церковной земли, на которую выданъ былъ презентъ княземъ Любомирскимъ въ 1777 г. 21 декабря о. Григорію Лебединцеву.

Въ годъ поступленія о. Гавріила на приходъ, прихожанъ обоего пола числилось здѣсь всего 900 д. При указной пропорціи земли, не получая до 1842 г. жалованья, не много получалъ о. Гавріилъ отъ прихода,—максимумъ 150 р. въ годъ; оставалось ему усиленно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, имѣя на воспитаніи 5 сыновей и устраивая судьбу 4-хъ дочерей. Но, и при скудности средствъ, о. Гавріилъ и Ѳекла І., какъ видно изъ описи церковной, дѣлали посильныя пожертвованія на храмъ: въ 1831 году пожертвована о. Гавріиломъ новая икона Воскресенія Христова на деревянномъ блятѣ,—въ 1834 г. Ѳекла Іосифовна пожертвовала мѣдную посребрянную лампаду стоимостью 13 р., а въ 1835 г. шерстяной коверъ предъ престоломъ съ каймою разноцвѣтной по черному полю; въ 1844 г. куплено о. Гавріиломъ напрестольное одѣяніе золотой парчи за 66 руб. 50 к. ассигнаціями. Мать Петра Гавриловича была неутомимая работница. «И когда эта женщина спитъ: говорила о ней прислуга,—днемъ вѣчно работаетъ, а по ночамъ громко и долго молится Богу за своихъ дѣтей»? Цѣня свою трудовую копѣйку, она говорила: «я не промѣняю своей мѣдной копѣйки на милліоны Браницкихъ. Каждое слово родителей, подобно горчичному сѣмени, глубоко западало въ душу Петра Гавриловича и выросло въ прекрасное вѣтвистое дерево, подъ тѣнію котораго укрывались многіе отъ палящихъ лучей нужды. Трогательна была картина, когда о. Гавріилъ провожалъ дѣтей своихъ въ Богуславское училище. Хотя сыновья его содержались на харчахъ, привозимыхъ изъ дому, но безъ денегъ обойтися нельзя было; и вотъ, бывало, соберетъ къ себѣ о. Гавріилъ почетнѣйшихъ прихожанъ и проситъ ихъ помочь ему деньгами, при отправкѣ дѣтей въ училище, выражая надежду, что, когда выростутъ, чѣмъ нибудь отблагодарятъ ихъ,—и прихожане несли свои лепты на воспитаніе дѣтей своего любимаго священника. По прочтеніи молитвы о путешествующихъ, Ѳекла Іосифовна усаживаетъ дѣтей своихъ на повозку или санки и, закутавши ихъ, осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ въ путь отходящихъ. За мѣдные гроши сторицею воздалъ Петръ Гавриловичъ тому селу, прихожане котораго помогали ему въ воспитаніи. Въ 1878 году онъ нарочно пріѣзжалъ въ Зеленую Дуброву для составленія смѣты по постройкѣ новой церкви и принесъ свою

жертву—500 р., прося священника не трубить о семъ трубою; въ 1894 году, въ послѣдній свой пріѣздъ далъ на постройку новой школы 500 р. и на библіотечный шкафъ 15 руб. Кромѣ сего, пожертвовалъ золотой парчи ризы въ зеленскую церковь, а, по завѣщанію, отписалъ, на содержаніе учителя зеленянской школы, 30 десятинъ земли, купленныя имъ въ концѣ 60 годовъ въ с. Калиновой черкасскаго уѣзда, когда священствовалъ тамъ о. Григорій Левитскій, женатый на сестрѣ Петра Гавриловича, Александрѣ Гавриловнѣ.

Домъ, въ которомъ проведены годы дѣтства Петра Гавриловича, былъ не большой, деревянный, крытый соломою; въ немъ, кромѣ кухни, прихожая, зала и небольшая спальня, изъ которой входъ въ кладовую. Въ прихожей съ правой стороны стояла кровать, а въ углу столъ съ принадлежностями для крещенія,—съ лѣвой—на стѣнѣ бѣлые часы. Вверху въ углѣ икона, предъ которой теплилась лампада, и на правой сторонѣ стѣны то же икона—распятіе Спасителя въ полулежачемъ положеніи съ подписью: «странное чудо, дивная перина, на которой спитъ Богъ—сія дитина». Въ залѣ—иконы, зеркало и окна завѣшены разноцвѣтными, вышитыми узорами, утиральниками. За домомъ вишневый садокъ—неизмѣнное украшеніе малороссійской хаты. Въ этомъ саду доселѣ стоитъ старая груша, подъ тѣнью которой отдыхалъ о. Гавріилъ и его дѣти; въ садикѣ есть цѣлая аллея, насаженная рукою Ѳеофана Г. и получившая названіе «ѳеоѳаніи». Съ юныхъ лѣтъ Петръ Гавриловичъ отличался особою молчаливостью,—говорилъ тогда, когда его спрашивали. Школы въ Зеленой Дубровѣ не существовало до 1836 г, и потому Петръ Гав—чъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Арсеніемъ обучались грамотѣ на сторонѣ, у діакона Стрижевскаго,—меньшій его братъ Даніилъ Гавриловичъ—въ херсонской губ.,—Андрей Г. не знаю гдѣ, а Ѳеофанъ Г. въ зеленянской школѣ, существовавшей съ 1836 г. до 1845 г., въ которой послѣднимъ учителемъ, какъ видно по записи о. Гавріила, былъ наданный заштатный дьячекъ, Аѳанасій Пугачевскій. Ѳеоѳанъ Г.—по натурѣ веселый, послѣ занятій игралъ съ школьными товарищами вмѣстѣ и, вспоминая о нихъ, когда уже былъ профессоромъ Академіи, называя ихъ не иначе, какъ школьными братьями. Молчаливый

же Петръ Г. только глубоко вдумывался во все то, что когда либо видѣлъ и слышалъ, и разъ видѣнное имъ или слышанное запечатлѣвалось у него навсегда. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Зелену, онъ описывалъ даже внѣшній видъ хатъ крестьянскихъ изъ далекаго прошлаго, чѣмъ либо выдѣлявшихся изъ ряду другихъ. Слуга «Карпо», возившій Лебединцевыхъ въ богуславское училище, говорилъ мнѣ въ 60 годахъ, что всѣ братья Лебединцевы въ дорогѣ разговаривали, кромѣ Петра, всегда молчавшаго. Возницею Петра Г. въ богуславское училище былъ нѣкоторое время и знаменитый Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, въ воспоминаніяхъ о которомъ въ «Кіевской Старинѣ» Петръ Гавриловичъ говорилъ: «молча я прозрѣвалъ, что у меня на козлахъ сидитъ малороссійскій геній, погонявшій булавую, широкохвостую кобылу». На бѣлой лошади подъѣхалъ Петръ Гав—чъ къ набережной Рождественской церкви, когда имѣли выносить гробъ Тараса Григорьевича къ пароходу, для отправки къ тому мѣсту, «де кручи и ле Днипръ тече ревучи». Какой рой воспоминаній тѣснился въ душѣ Петра Гавр—ча въ эту торжественно грустную минуту прощанія съ Тарасомъ Григорьевичемъ! Но, зная цѣну молчанія, онъ, молча, поклонился праху и, поспѣшая на всенощную, уѣхалъ. Братъ его Ѳ. Г. то же не говорилъ рѣчи, но провожалъ гробъ до парохода и вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ Шевченкомъ и другими на веревкахъ опустилъ гробъ съ пристани; крѣпко пожималъ онъ руки Чалому, инспектору Кіевской гимназіи, за глубоко-прочувствованную рѣчь о Шевченкѣ.

Поступилъ Петръ Гавр—чъ въ богуславское училище въ сентябрѣ 1827 г., значитъ на 8 году жизни. Квартировалъ онъ въ домикѣ мѣщанки Шпачихи, стоящемъ на обрывѣ, на пути въ богуславскій монастырь, гдѣ помѣщалось Духовное училище. Эта Шпачиха гордилась, что у нея жили всѣ 5 братьевъ Лебединцевыхъ. Неизвѣстно мнѣ, посѣщалъ ли это ветхое деньми жилище Петръ Гав—чъ въ объѣздахъ по епархіи съ митрополитомъ Арсеніемъ, но Ѳ. Г. посѣщалъ. Въ 1859 г. онъ былъ командированъ для ревизіи богуславскаго и черкасскаго духовныхъ училищъ и взялъ меня изъ Семинаріи съ собою. Въѣхали мы въ Богуславъ ночью. Проѣзжая мимо одного маленькаго домика, Ѳ. Г. велѣлъ ямщику

остановиться. Вотъ этотъ домикъ, сказалъ Ѳ. Г., гдѣ я съ братьями своими квартировалъ. Другого дня, рано утромъ, отправился къ Шпачихѣ и, не рекомендуясь, спросилъ ее: «узнаете ли меня?» — «Нѣтъ, не могу знать», послѣдовалъ отвѣтъ. Ѳеофанъ Г. назвалъ свое имя и фамилію. «Боже мой, кого я вижу!» съ глубокимъ чувствомъ произнесла Шпачиха.

По вѣдомости Богуславскаго училища за 1829 г. Петръ Г. значится 14 ученикомъ, а Арсеній Г. 12; отмѣчался такъ: способностей хорошихъ, поведенія смирнаго,—по латинскому языку— этотъ потомъ рѣдкій знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ—недостаточно,—по ариѳметикѣ не худо. Всѣхъ учениковъ числилось 25. По вѣдомости 1833 г., при переводѣ въ Семинарію, Петръ Гавриловичъ между переводными 17 учениками стоялъ первымъ во второмъ разрядѣ, по счету 7, а Арсеній Гавр. въ 1 разрядѣ 3; первымъ стоялъ Иванъ Шмигельскій. Выдѣлялся въ Богуславскомъ училищѣ Петръ Гавр—чъ только своею феноменальной памятью; на это, по словамъ товарища его по Богуславскому училищу, покойнаго священника Матѳея Левицкаго, стоявшаго, какъ видно по имѣющемуся у меня списку, выше Петра Гавр—ча, обратилъ вниманіе учитель географіи. Въ классѣ, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, взявъ учебникъ въ руки, учитель заставилъ Петра Гавр—ча наизусть прочитать всю географію, а самъ только перелистывалъ, слѣдя по книгѣ. Когда учебникъ былъ прочтенъ, учитель замѣтилъ: «что-то особенное будетъ изъ этого мальчика». Не удивительно поэтому, если Петръ Гавр—чъ, по выходѣ изъ Академіи, чрезъ какія нибудь 50 лѣтъ, по памяти могъ воспроизвесть слово въ слово одну изъ неизданныхъ рѣчей преосвященнаго Иннокентія, викарія кіевскаго, а въ послѣдствіи архіепископа одесскаго. Сравнительно слабые успѣхи Петра Г. въ Богуславскомъ училищѣ, объясняемые его маловозрастіемъ и неподготовленностію, приводили въ смущеніе отца его, и онъ съ грустью говорилъ: ничего не будетъ съ моего сына Петра,—въ молчаливости котораго видѣлъ доказательство его будто слабыхъ способностей. Но какъ пораженъ былъ отецъ, когда въ каникулярное время, по переводѣ въ Семинарію, при выносѣ тѣла зеленянскаго эконома, римско-католика, этотъ молчаливый Петръ Гавр—чъ, въ присутствіи ксендза, сказалъ рѣчь

на польскомъ языкѣ, въ которой отъ имени отца своего выразилъ чувства благодарности почившему за всѣ тѣ благодѣянія, какія онъ оказывалъ его родителю. Другаго дня на обѣдѣ родственники эконома предложили Петру Гавр—чу два червонца, но онъ отказался, сказавши: «я оскорбилъ бы память благодѣтеля своего родителя, если бы я принялъ за выраженіе своихъ чувствъ деньги. Это сдѣлалось извѣстнымъ управляющему имѣніемъ и ради такого рѣдкаго сына о. Гавріилу стали оказывать еще больше вниманія. Въ этихъ словахъ 13-лѣтняго юноши сказались и зрѣлый умъ и высокая честность и рѣдкое безкорыстіе.

Составъ учителей Богуславскаго училища, во время обученія къ ономъ П. Г. Лебедицева, былъ таковъ: смотритель училища іеромонахъ Григорій,—инспекторъ, студентъ семинаріи Моисей Ѳеодоровъ Мужаловскій, учителя высшаго отдѣленія: студентъ Иванъ Алексѣевичъ Мазюкевичъ и кандидатъ богословія Гавріилъ Петровъ Язевъ. Не блестящи были наставники Богуславскаго училища; объ одномъ изъ нихъ, митрополитъ Евгеній, при посѣщеніи Богуславскаго училища, по словамъ П. Г—ча выразился такъ: «чего требовать отъ учениковъ, когда учитель самъ ничего не знаетъ». Когда Лебединцевы поступили въ Семинарію, они обратили на себя вниманіе профессора словесности Бойкова. «Что можетъ быть изъ Назарета? а вотъ и изъ Назарета какіе прекрасные воспитанники—Лебединцевы»: сказалъ однажды проф. Бойковъ.. Въ Семинаріи П. Г—чъ уже выдѣлялся своими успѣхами; въ богословскомъ классѣ состоялъ лекторомъ нѣмецкаго языка, и въ Академію поступилъ первымъ. Когда Петръ Г. былъ еще въ риторикѣ, отецъ его выражался о немъ совсѣмъ иначе: «теперь я понимаю, что у меня за сынъ—Петръ; онъ одинъ, если Господь сохранитъ его жизнь, составитъ для меня славу». Изъ всѣхъ своихъ наставниковъ Семинаріи самую благодарную память сохранилъ П. Г. объ инспекторѣ Семинаріи іеромонахѣ Іоанникіѣ, впослѣдствіи архіепископѣ варшавскомъ, а потомъ одесскомъ: «мы всѣ Лебединцевы ему обязаны; не будь онъ, мы были бы то же самое, что и другіе»: говорилъ П. Г. Въ свою очередь, и архіеп. одесскій Іоанникій всегда помнилъ Лебединцевыхъ и, по словамъ Арсенія Гавр—ча, на одномъ торжественномъ обѣдѣ у одесскаго градоначальника, въ присутствіи аристократіи, выразился такъ: «я гор-

жусь тѣмъ, что всѣ пять братьевъ Лебединцевыхъ были моими воспитанниками по Кіевской Семинаріи,—чѣмъ привелъ въ смущеніе скромнаго Арсенія Гавр—ча, и, обратясь къ нему, сказалъ: «а помните ли вы тотъ красный сюртукъ, въ которомъ вы ходили въ Семинаріи»? При переводѣ въ Семинарію, вмѣсто халата, первый разъ облачился Петръ Г. въ нанковый сюртукъ; въ богословскомъ же классѣ, во время нахожденія въ семинарскомъ корпусѣ, онъ носилъ всегда длинный суконный, черный сюртукъ,—и это была своего рода роскошь.

Принятъ былъ Петръ Гавриловичъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Арсеніемъ, въ корпусъ, при переходѣ въ высшее отдѣленіе Семинаріи, по прошенію о. Гавріила, лично являвшагося къ ректору Семинаріи, архимандриту Іереміи. Въ Семинаріи П. Г. былъ отзывчивъ на всѣ нужды товарищей и другихъ нуждавшихся въ помощи. М. Шполы, звенигородскаго у., діаконъ Иванъ Ципріановичъ передавалъ мнѣ, что, когда онъ учился въ Кіево-Подольскомъ училищѣ, часто ходилъ въ семинарскій корпусъ къ брату своему Іосифу, жившему въ одномъ номерѣ съ Петромъ Гавр—мъ, для переводовъ съ греческаго и латинскаго на русскій языкъ и съ русскаго языка на греческій и латинскій; вмѣсто же брата, слабо знавшаго языки, Петръ Г. безмездно занимался съ нимъ. Разъ, говоритъ о. діаконъ, я пришелъ къ брату своему, по случаю болѣе ранняго роспуска въ училищѣ, попросить у него нѣсколько копѣекъ на дорогу; у брата ничего не оказалось; тогда Петръ Г. обратился ко мнѣ съ словами: «постой, Ваня, у меня есть всего 3 коп.», и далъ мнѣ эти 3 к. и одну конфекту. Какъ эти 3 к. напоминаютъ 5 к. о. Іоанна Кронштадтскаго, данныя имъ бѣдному въ первыя годы обученія его въ духовномъ училищѣ. Не такъ 3 к. и впослѣдствіи полученныя 5 руб. остались въ памяти о. діакона, какъ эта одна конфекта; а эти 5 руб. получены были по такому случаю: въ одинъ первый проѣздъ митрополита Арсенія по епархіи, Петръ Гавр. въ шполянской Троицкой церкви, поправляя на себѣ поясъ, снялъ его и положилъ въ алтарѣ на окнѣ. По отъѣздѣ митрополита, о. діаконъ замѣтилъ забытый поясъ и другаго дня чуть свѣтъ поѣхалъ въ Лебединскій женскій монастырь, гдѣ митрополитъ совершалъ литургію, возвратить поясъ Петру Гавр—чу. «Благодарю, что

не утаили моего пояса», сказалъ П. Г., и презентовалъ о. діакона 5 руб. «Какъ ваша фамилія?» спросилъ П. Г. «Ципріановичъ», отвѣтилъ діаконъ. «Не Иванъ ли, которому я дѣлалъ переводы?» — «Да, ваше выс—біе». Другому брату о. діакона, Евграфу въ 60 годахъ на память объ Іосифѣ, Петръ Г. подарилъ цѣнную книгу «Четьи Минеи» Димитрія Ростовскаго. Такъ Петръ Г. былъ внимателенъ ко всѣмъ тѣмъ, кто хоть соприкасался съ его школьными товарищами. Не забылъ онъ и одного яблока, поданнаго ему въ школьные годы журавскимъ священникомъ N. Когда П. Г. былъ священникомъ при кіево-подольскомъ Успенскомъ Соборѣ и жилъ на Хоревой улицѣ, повстрѣчался съ нимъ сельскій священникъ не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ и отрекомендовался его товарищемъ по Семинаріи. «Развѣ по образу Божію, но не по подобію»: отвѣтилъ Петръ Г, но попросилъ его зайти къ нему другого дня. Это случилось при мнѣ, и слова эти врѣзались въ моей памяти. Трудно указать человѣка, болѣе признательнаго и благодарнаго, чѣмъ Петръ Гавриловичъ. Въ благодарность за казенное содержаніе въ семинарскомъ корпусѣ послѣдніе два года, Петръ Г., по принятіи священства, пожертвовалъ свой магистерскій окладъ на содержаніе трехъ воспитанниковъ Семинаріи; содержаніе одного тогда стоило только 30 р. въ годъ.

Свящ. *Іоаннъ Гордіевскій.*

(Продолж. будетъ).

Церковно-приходскія школы и общество.

Въ № 1 журнала «Народное Образованіе» помѣщена статья г. П. М., озаглавленная: «Печать и церковная школа». Авторъ статьи говоритъ, что на дѣлѣ народной школы легко могутъ сойтись дѣятели различныхъ вѣдомствъ. Только случайныя, острыя обстоятельства препятствуютъ земскимъ дѣятелямъ, если только они дѣйствительные друзья просвѣщенія, убѣдиться, что церковная школа преслѣдуетъ однѣ съ ними цѣли и является союзницей земской школы, что, соединивши обѣ силы, скорѣе можно одолѣть

повальное народное невѣжество,—что всѣмъ хватитъ работы на этомъ поприщѣ.

Если бы земство шло рука объ руку съ Церковью, дѣло просвѣщенія отъ этого только выиграло бы. Эти союзы были бы вполнѣ возможны, еслибъ у церковно-приходской школы не было другихъ враговъ, непримиримыхъ и систематическихъ,—враговъ по принципу.

Ихъ враждебныя отношенія къ церковной школѣ коренятся въ томъ, что основная мысль, служащая краеугольнымъ камнемъ церковной школы, именно мысль о необходимости подчинить народное образованіе воспитательному воздѣйствію Православной Церкви, оказалась въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ извѣстными, очень опредѣленными воззрѣніями на направленіе народнаго образованія и на значеніе Церкви.

Избравъ своимъ оружіемъ печать, они весьма искусно пользуются упомянутою выше враждой учебныхъ вѣдомствъ и всѣми мѣрами стараются разжигать ее.

Самый крупный представитель ненавистничества къ Церкви, это—«Вѣстникъ Европы».

Передовой герой этой благородной политики, «Вѣстникъ Европы» весьма аккуратно, въ своихъ ежемѣсячныхъ внутреннихъ обозрѣніяхъ, выпускаетъ противъ церковной школы отравленныя ядомъ стрѣлы, съ цѣлію поселить въ читателѣ то же «злобное» отношеніе къ церковной школѣ, которое сквозитъ въ каждой строчкѣ этихъ обозрѣній. «Церковная школа вредна; вредите ей, кто можетъ и чѣмъ можетъ»: вотъ сокровенный смыслъ статей «Вѣстника Европы».

При этомъ печальномъ условіи, можно радоваться хотя бы тому, что змѣиное шипѣніе «Вѣстника Европы» дѣйствуетъ только на неокрѣпшее въ смыслѣ національнаго самосознанія общество, а не на правительственныя учрежденія. Правительство, какъ и всегда, идетъ впереди общества и выдвигаетъ изъ своей среды выдающихся дѣятелей на поприщѣ великаго дѣла народнаго просвѣщенія. («Моск. Вѣд.»).

Собраніе церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи 10 февраля.

10 февраля происходило очередное собраніе церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи. Въ этомъ собраніи А. Д. Эртелемъ былъ прочитанъ рефератъ «о стѣнописи въ Великой церкви Кіево-Печерской Лавры». Рефератъ вызванъ ближайшимъ образомъ статьями «Русскихъ Вѣдомостей», появившихся въ прошедшемъ году и невѣрно передававшими положеніе дѣла, касательно происходящаго теперь возобновленія стѣнописи Великой лаврской церкви. Въ одной изъ замѣтокъ «Русскихъ Вѣдомостей» говорилось, по слуху, что «реставраторы Кіево-Печерской Лавры счистили и забѣлили фрески главнаго храма Лавры, при чемъ не пожалѣли даже историческихъ портретовъ князей Острожскихъ и Сангушка, писанныхъ въ XVI в.», и выражалась надежда, что бы реставраторы, уничтожая эти памятники старины, по крайней мѣрѣ, сняли снимки съ уничтоженныхъ портретовъ, которые столь рѣдки у насъ въ Россіи. Оказалось, что замѣтка «Русскихъ Вѣдомостей» носила далеко не случайный характеръ, такъ какъ за нею послѣдовалъ запросъ отъ предсѣдателя Московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой, на имя высокопреосвященнаго митрополита Іоанникія, высшей кіевской администраціи и церковно-археологическому обществу при Кіевской духовной академіи. Въ то же самое время въ «Русскихъ Вѣдом.» появилась новая статья, въ которой выставлялся цѣлый рядъ пунктовъ, доказывающихъ, будто бы, дѣйствительную цѣнность уничтоженной въ Лаврѣ «исторической» живописи,—высказывалось сѣтованіе по поводу этого уничтоженія, какъ великаго несчастія, а церковно-археологическое общество и реставраторы Лавры обвинялись въ совершенномъ варварствѣ и невѣжествѣ.

Это заставило референта предложить ученому собранію докладъ, и въ немъ изложить объективно во 1) ходъ дѣла по возобновленію стѣнописи Великой лаврской церкви и 2) исторію той стѣнописи, которая въ скоромъ времени будетъ замѣнена новою.

Вопросъ о совершенномъ возобновленіи живописи въ Великой лаврской церкви возникъ довольно давно. Еще въ 1876 году

духовный соборъ лавры, желая быть совершенно корректнымъ въ данномъ дѣлѣ и въ устраненіе возможныхъ упрековъ, просилъ Кіевское церковно-археологическое общество дать свое заключеніе о достоинствахъ живописи, покрывавшей стѣны церкви. Общество прислало подробный и обстоятельный отвѣтъ, сущность котораго сводилась къ тому, что упомянутая живопись не имѣетъ никакого значенія ни въ художественномъ, ни въ историческомъ отношеніи и что она, какъ не имѣющая права претендовать даже на то, чтобы быть характерной для своей эпохи, не заслуживаетъ никакого вниманія и не стоитъ того, чтобы ее поддерживать. Однако же, по разнымъ обстоятельствамъ, возобновленіе живописи Великой лаврской церкви тогда не состоялось. Только въ 1893—94 году окончательно рѣшено было возобновить всю живопись Великой церкви, и духовный соборъ Лавры вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ профессоромъ Академіи художествъ В. П. Верещагинымъ, обратившись къ нему съ просьбою—о составленіи смѣты и эскизовъ, соотвѣтственно предположенному возобновленію. Въ то же самое время Лаврѣ были сдѣланы два предложенія о желаніи взять подрядъ на украшеніе церкви живописью отъ московскаго иконописца Брусникова и профессора университета св. Владиміра А. В. Прахова, при чемъ послѣдній также вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Кіевскаго церковно-археологическаго общества о совершенной ничтожности существовавшей въ Великой лаврской церкви стѣнной живописи. Въ лаврскомъ дѣлѣ о возобновленіи живописи нѣтъ указаній на то, почему были отклонены послѣднія два предложенія, такъ что подрядъ былъ отданъ проф. В. П. Верещагину.

Когда затѣмъ было приступлено къ очисткѣ стѣнъ въ Великой лаврской церкви и къ штукатурнымъ работамъ, то въ стѣнахъ, аркахъ и сводахъ церкви были обнаружены серьезныя поврежденія и трещины, грозившія цѣлости самого зданія; самая штукатурка оказалась совершенно непрочной, отстала отъ стѣнъ на очень большія пространства, отсыпалась вмѣстѣ съ щебнемъ и разсыпалась, при самомъ незначительномъ ударѣ. Референтъ лично присутствовалъ при началѣ работъ и видѣлъ, что, когда обнажили верхнюю часть фундамента, сложеннаго изъ огромныхъ булыжниковъ и кирпича, известковый растворъ, скрѣплявшій камни, мѣстами высыпался, мѣстами же былъ настолько непроченъ, что въ

него можно было безъ особыхъ усилій протыкать тросточку. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, не могло быть и рѣчи, о дальнѣйшемъ сохраненіи штукатурки, а слѣдовательно, и покрывавшей ее живописи.

Покончивъ съ вопросомъ о ходѣ дѣла по возобновленію живописи Великой лаврской церкви, происходящему теперь, референтъ затѣмъ перешелъ къ исторіи той живописи, которая уничтожена вмѣстѣ съ прежнею штукатуркою стѣнъ. Великая Лаврская церковь была заложена въ 1073, или 1074 г.; иконописныя работы въ ней начаты были греческими мастерами лишь въ 1083 г., а освящена она была 14 августа 1089 г. По свидѣтельству Иннокентія Гизеля въ его «синописѣ», «сія небеси подобная церковь, яко неизрѣченнымъ смотрѣніемъ Божіимъ основася, тако и совершися съ преизряднымъ благолѣпіемъ, внѣ уду и внутрь уду украшена бысть, вся бо отъ злата мусіею, сирѣчь каменными позлащенными узорами и пестротами различными предивно бяше испещрена и иконами прекрасно выписана, помостъ церковный такожде отъ различныхъ шаровъ каменіями и всякими взорами бысть насажденный». Обыкновенно полагаютъ, что мусіей, т. е. мозаиковой, были украшены только главный алтарь и сопредѣльныя ему части, а остальное пространство стѣнъ было покрыто фресковой живописью, но документальныхъ основаній для такого предположеніе не имѣется. Легко могло быть, что собственно иконной живописью была покрыта и не вся поверхность стѣнъ, а части ихъ были украшены пестретами, т. е. орнаментами. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ—сохранилась-ли и могла-ли сохраниться до насъ эта первоначальная живопись великой Лаврской церкви? Конечно, нѣтъ, потому что уже съ XII в. церковь вмѣстѣ съ печерскими монастырями стала подвергаться страшнымъ разореніямъ. Изъ нихъ особенно гибельно было для живописи разореніе 1240 г., когда, по свидѣтельству Иннокентія Гизеля въ его «синописѣ», нечестивый Батый съ своими погаными «самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы печерскую завершися, отъ всего украшенія обнажиша, и крестъ съ главы церковныя златокованный сняша, и верхъ до полу-церкви по окна повеленіемъ проклятаго Батыя опровергоша. Такожде и верхъ алтаря великаго персиконы Прэ пои-

святыя Богородицы збиша и весь монастырь со всѣми украшеніями и каменными стѣнами до основанія искорениша и разметаша»... Впрочемъ, сопоставляя это свидѣтельство Иннокентія Гизеля съ другими свидѣтельствами его-же и иныхъ писателей (напр., Аѳанасія Кальнофойскаго), референтъ приходитъ къ такому заключенію, что великое Батыево разореніе должно понимать условно, такъ какъ Великая лаврская церковь была разрушена лишь по окна и по перси иконы Богоматери въ главномъ алтарѣ, т. е. приблизительно до уровня верхнихъ оконъ современнаго намъ строенія. Такъ какъ «поганыхъ» прельщали главнымъ образомъ драгоцѣнности и особенно золотой крестъ на главномъ куполѣ, то огонь — этотъ самый опасный врагъ живописи не былъ пущенъ въ дѣло, такъ что отъ греческой живописи и мозаики непремѣнно должны были остаться слѣды и въ самой церкви и особенно въ томъ придѣлѣ, который, по свидѣтельству Иннокентія Гизеля, уцѣлѣлъ отъ Батыева разоренія. Разоренная великая Лаврская церковь оставалась въ запустѣніи около 250 лѣтъ, какъ говорится въ одномъ памятникѣ. Только уже въ 1470 г., по свидѣтельству Иннокентія Гизеля, послѣдній изъ литовскихъ великокняжескихъ намѣстниковъ Семеонъ Олельковичъ «Обнова великую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы Печерскую разоренную и въ запустѣній сущую отъ нашествія злочестиваго Батыя черезъ долгое время, едва не отъ основанія подвигъ, украси со всякою красотою и различными шары выписа, въ ней же и самъ погребенъ бысть»... Что-же спрашивается, сдѣлалъ князь Семеонъ Олельковичъ съ той греческой мусіей и фресками, слѣды которыхъ, болѣе или менѣе значительные, безъ сомнѣнія, должны были оставаться на стѣнахъ церкви? Референтъ полагаетъ, что онъ просто уничтожилъ ихъ, а возстановленное имъ зданіе съ новымъ при томъ-же фасадомъ, соотвѣтственнымъ духу XV в. уже не было «греческихъ мастеровъ», а секретъ греческихъ несокрушимыхъ фресковъ если и не былъ тогда совершенно потерянъ, то во всякомъ случаѣ фресковая живопись представляла тогда крайнія техническія трудности и, такимъ образомъ, князю оставалось лишь украсить церковь различными «шары» въ духѣ своего времени. Это была, по мнѣнію референта, первая реставрація, нарушившая и древность, и художе-

ственную красоту, о которыхъ, дѣйствительно, стоитъ пожалѣть. Изъ дѣла о современномъ намъ возобновленіи живописи Великой лаврской церкви, между прочимъ, видно, что теперешніе реставраторы, прежде чѣмъ тронуть штукатурку со стѣнъ, произвели самое тщательное изслѣдованіе всей ихъ поверхности Многочисленныя пробныя выборки штукатурки показали вездѣ голый камень и при томъ съ явными слѣдами огня, но ни малѣйшихъ слѣдовъ какой бы то ни было старой штукатурки, подслоенной подъ новой. Такіе же результаты дала и общая очистка стѣнъ. Слѣдовательно, если художественныя сокровища Лавры и постигло несчастіе отъ реставраціи, то не теперь, а именно въ XV в. и это несчастье тѣмъ чувствительнѣе именно теперь, когда повсюду пробуждается особенный интересъ къ византійскому стилю.

Но современные реставраторы Великой лаврской церкви обвиняются не въ томъ, что они уничтожили первоначальную византійскую живопись этой церкви, а въ томъ, что они уничтожили историческіе портреты именно XVI в. Поэтому референтъ и переходитъ къ вопросу объ этихъ портретахъ.

Послѣ возобновленія Великой Лаврской церкви княземъ Семеономъ Олельковичемъ, она очень скоро «паки запустѣла». Произошло это отъ того, что 1 сентября 1482 года неожиданно напалъ на Кіевъ крымскій ханъ Менгли-Гирей и «отходя сжегъ весь городъ съ посадами и печерскимъ монастыремъ». Однакоже это запустѣніе было непродолжительно, о чемъ референтъ заключаетъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ 1522 г. Печерскій монастырь не только уже оправился, но и получилъ отъ короля Сигизмунда грамоту, подтверждавшую древнія его права; 2) въ 1530 году въ Лаврской церкви былъ погребенъ извѣстный ревнитель православія князь К. И. Острожскій, чего не случилось-бы, если бы церковь въ это время находилась въ руинахъ; 3) въ теченіе XVI и XVII вв. было погребено въ Лаврской великой церкви множество архимандритовъ печерскихъ и другихъ именитыхъ мужей, между прочимъ, Сангушки. «Жаль только,—замѣчаетъ референтъ,—что на свѣтѣ не существуетъ историческихъ источниковъ, которые позволили бы сказать, что въ XVI в. въ Лаврѣ былъ написанъ хоть одинъ портретъ. Если бы, гдѣ бы то ни было въ Лаврѣ, были портреты

«благодѣтелей», то Кальнофойскій, вообще обнаруживающій большое уваженіе къ именитымъ мужамъ, не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, какъ онъ дѣлаетъ это относительно одного князя, погребеннаго въ пещерахъ, гдѣ у его гробницы находился и портретъ его. Но Кальнофойскій (да и другіе) о портретахъ «благодѣтелей» не говорятъ ни слова, потому что, очевидно, ихъ и не было.

Такимъ образомъ, теперь становится яснымъ расчетъ обвиненія, брошеннаго по адресу современныхъ реставраторовъ Лавры въ вандализмѣ. Въ лаврской Великой церкви на стѣнахъ сохранились портреты многихъ знаменитыхъ мужей, скончавшихся и погребенныхъ здѣсь въ XVI в.; о живописи XVI в. исторія молчитъ; почему же не пріурочить портреты къ XVI в.

Но рефенту удалось возстановить истинную исторію этой знаменитой «исторической» живописи. Извѣстно, что въ ночь на 22 апрѣля 1718 года въ лаврѣ произошелъ страшный пожаръ, уничтожившій Великую церковь, келліи, типографію и архивъ; сгорѣли также и «всѣ надгробія знаменитыхъ благодѣтелей, погребенныхъ въ Лаврѣ, и древніе синодики, въ которыхъ были вписаны ихъ имена и были написаны уже новыя». Возобновленіе монастыря началось при дѣятельномъ участіи императора Петра Великаго, съ 1720 г. и, по недостатку средствъ, продолжалось почти 50 лѣтъ; собственно Великая церковь возобновлялась до 1729 года, когда она была уже освящена. Кто по какимъ образцамъ и въ какомъ стилѣ расписывалъ въ это время Великую лаврскую церковь, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Но, вѣроятно, живопись эта была не особенно высокаго достоинства, потому что уже черезъ 45 лѣтъ, при архимандритѣ Зосимѣ Волькевичѣ, пришлось ее возобновлять, причемъ, какъ гласитъ надпись на стѣнѣ за лѣвымъ клиросомъ, «сія церковь... въ 1769 году сверху и на сводахъ мѣдными листами вся покрыта, а въ 1776 году внутри иконописнымъ художникомъ вновь на стѣнахъ и сводахъ совершенно вся выписана и украшена тщаніемъ сія левры архимандрита Зосима Волькевича».

Итакъ, должно имѣть слишкомъ пылкую фантазію, чтобы, при такихъ условіяхъ, находить на стѣнахъ лаврской церкви гдѣ то живопись XVI в. Но можетъ быть, спрашиваетъ референтъ,—этотъ

вѣкъ какъ нибудь былъ воскрешенъ въ «живописномъ художествѣ» Зосимы Волькевича? Такъ, дѣйствительно, и думаетъ невидимый обвинитель современныхъ реставраторовъ Лавры, который, ссылаясь на статью прот. Лебединцева, помѣщенную, будто бы, въ кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1878 г., говоритъ: «интересно замѣтить, что въ извѣстныя эпохи реставрацій стѣнописи реставраторы старались воспроизводить живопись предшествовавшей эпохи, и когда ея не сохранялось, то пользовались тогда книгою, принадлежащею Лаврѣ и содержащею въ себѣ описаніе лаврской живописи. Такъ поступилъ Захарія Голубовскій, расписавшій церковь въ 1776 г.». Показавъ фактическую невѣрность ссылки на Лебединцева и вообще несообразность того положенія, что, будто бы, Голубовскій старался возстановить живопись XVI в., референтъ, затѣмъ, перешелъ, къ самой «книгѣ», по которой расписывалъ стѣны Великой лаврской церкви Захарія Голубовскій. «Книга» эта называется: «Память, что внутрь великой святой печерской церкви изображено, почавши отъ самой главы и около по стѣнахъ» и представляетъ рукопись въ 60 листовъ, безъ обозначенія года составленія, писанную характерною для XVIII в. скорописью. Содержитъ эта рукопись подробнѣйшее описаніе изображеній на стѣнахъ Великой церкви, но чисто перечневое, безъ малѣйшихъ комментаріевъ, или объясненій, т. е. указываетъ лишь мѣста и названія изображеній. Тщательный анализъ содержанія «книги» привелъ референта къ убѣжденію, что книга эта составляетъ предположеніе, проектъ того, что нужно было изображать «на стѣнахъ церкви» Захарію Голубовскому и его молодчикамъ,— такой же и столь же подробный проектъ, какой имѣется и сейчасъ въ Лаврѣ для проф. В. П. Верещагина, гдѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не употребляется слово: «написать», а говорится лишь: изображеніе такое то тамъ то,—такъ что этотъ послѣдній проектъ черезъ 120 лѣтъ какому нибудь остроумному изслѣдователю тоже можетъ показаться своего рода «книгою», содержащею описаніе древней лаврской живописи. Переходя, затѣмъ, къ самымъ портретамъ, съ которыхъ предъ уничтоженіемъ ихъ, предусмотрительно были сняты фотографическія копіи, референтъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «въ художественномъ отношеніи эти портреты

ниже всякой критики. Грубѣйшія ошибки въ пропорціяхъ, рисунокъ и постановка фигуръ, доходящіе до того, что головы нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы не въ одной плоскости съ туловищемъ, уродливость позъ, выпяченные впередъ животы, искривленные и совершенно неестественные повороты рукъ,—вотъ отличительные признаки пресловутой живописи. Мастеръ писавшій былъ не то что неискусный, это былъ просто безграмотный маляръ. Это совсѣмъ не тѣ наивныя, неумѣлыя произведенія зачаточнаго искусства, которымъ мы прощаемъ всѣ погрѣшности, какъ прощаемъ ихъ ребенку, едва начинающему свой дѣтскій лепетъ. Это нѣчто въ высшей степени несообразное даже для XVI в... Обращаясь къ портретамъ уже съ исторической стороны, не знаемъ, чему больше удивляться,—художнику ли, который, написавши подъ рядъ 8 одинаковыхъ фигуръ въ фантастическихъ нарядахъ, видитъ въ нихъ то Сангушку, то Острожскаго, то Вишневецкаго, или же обвинителю современныхъ реставраторовъ Лавры, забывающему элементарнѣйшія правила, какія обыкновенно предъявляются къ историческому портрету». Свое заключеніе о «портретахъ» референтъ демонстрировалъ фотографическими снимками съ нихъ.

Въ заключеніе доклада, референтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о возобновленіи лаврской живописи при митрополитѣ Филаретѣ въ 1840—42 гг. Оно произведено было малоискуснымъ монахомъ Иринархомъ съ лаврскими послушниками и въ свое время особою комиссіей, назначенною по Высочайшему повелѣнію, было признано совершенно неудовлетворительнымъ. Теперь же лаврская церковь будетъ расписана профессоромъ Академіи Художествъ В. П. Верещагинымъ по его эскизамъ, одобреннымъ Св. Синодомъ и Высочайше утвержденнымъ покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ III, а орнаментами будетъ украшать церковь академикъ Лазаревъ-Станищевъ. Къ работамъ приступятъ тотчасъ же, какъ только достаточно высохнетъ новая штукатурка. Имя проф. В. П. Верещагина можетъ служить достаточной гарантіей, что живопись будетъ сдѣлана вполнѣ добросовѣстно. Референтъ видѣлъ эскизи проф. Верещагина, знаетъ общій планъ, по которому будетъ украшена Великая церковь, и заявляетъ, что въ будущемъ церковь эта, если и не будетъ поражать глазъ роскошью съ эффек-

тами новооткрытаго собора св. Владиміра, зато, несомнѣнно, будетъ храмомъ, понятнымъ народу, какою и должна быть церковь, куда стекаются, святыни ея ради, сотни тысячъ людей со всѣхъ концовъ Русскаго государства.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній между членами общества, при чемъ преосв. Сергій, епископъ уманскій, и заслуженный ординарный профессоръ Кіевской духовной Академіи Н. И. Петровъ сдѣлали поясненія къ нѣкоторымъ пунктамъ реферата. («Кіевл.»).

Извѣстія и замѣтки.

— Кіевскій епархіальный Комитетъ Православнаго миссіонерскаго Общества, открытый въ 1870 году, вступивъ, съ Божіею помощію, въ 27-й годъ своего существованія, представилъ собранію своихъ членовъ, 9 февраля, въ покояхъ Преосвященнаго Іакова товарища предсѣдателя, слѣдующій отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ.

Въ остаткѣ отъ 1895 года къ 1-му числу января 1896 года кіево-миссіонерскихъ суммъ состояло 4851 руб. 76 к. Всего въ 1896 году поступило 4359 руб. 97 к. А всего съ остаткомъ отъ 1895 года 9211 руб. 73 к. Въ 1896 году всего употреблено въ расходъ 4747 р. 99 к. Затѣмъ къ 1-му января 1897 года осталось 4463 руб. 74 к.

Дѣятельность Кіевскаго епархіальнаго Комитета въ отчетномъ году вообще продолжала оставаться такою же, какою была въ предыдущіе годы: она, какъ и прежде, направлена была къ поддержанію и оживленію среди православнаго населенія епархіи сердечнаго сочувствія задачамъ нашихъ отечественныхъ миссій, къ привлеченію найбольшаго числа лицъ въ члены Православнаго миссіонерскаго Общества или, по крайней мѣрѣ, въ разрядъ жертвователей, въ заботливомъ собираніи разнаго рода приношеній въ пользу миссіонерства.

Членовъ, внесшихъ не менѣе трехъ рублей, въ 1896 году было 58 человѣкъ.

Желательно было бы, чтобы каждый членъ Комитета приглашалъ, кого знаетъ, поступать въ члены Миссіонерскаго Общества при ежегодномъ взносѣ не менѣе 3 руб., или быть соревнователемъ, жертвуя отъ нѣсколькихъ копѣекъ до 3 руб., на распространеніе христіанства въ Россіи.

Средства Комитета составляютъ: 1, ежегодные членскіе взносы; 2, единовременныя пожертвованія и 3, сборы: а) посредствомъ кружекъ, установленныхъ въ церквахъ на предметъ распространенія христіанства, б) тарелочный въ недѣлю Православія и в) по подписнымъ листамъ Комитета и Совѣта Миссіонерскаго Общества въ теченіе года.

Всѣ сборы, какъ то: въ недѣлю Православія, кружечные, по листамъ Комитета и Совѣта Миссіонерскаго Общества и другія пожертвованія присылаются чрезъ благочинныхъ въ Кіево-Михайловскій монастырь на имя Кіевскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ причта и церковнаго старосты с. Масловки, каневскаго уѣзда.

Намѣреваясь произвесть въ нашемъ храмѣ значительный ремонтъ, мы, по рекомендаціи другихъ, обратились къ извѣстному въ нашей окружности мастеру, кіевскаго уѣзда, м. Ржищева жителю, живописцу Леонтію Васильевичу Погребному. Заключенное съ нами по устройству кіотовъ, окраски и росписи церкви условіе онъ выполнилъ вполнѣ добросовѣстно, о чемъ мы считаемъ нашимъ долгомъ печатно выразить благодарность г. Погребному.

Священникъ *Мелетій Коломацкій.*

Церковный староста *Трофимъ Коломіецъ.*

Поправка. Въ № 4 Кіев. Еп. Вѣд., на стр. 208, первая строка (архипастыря кіевскаго), по недосмотру, ошибочно перенесена съ 207 страницы, гдѣ она должна быть также первою.

№ 5 сданъ на почту 1 марта.

Отъ Кіевск. Духовн. цензурн. Комитета печат. дозвол. 28 февраля 1897 г.
Цензоръ, проф. Акад., прот. *І. Корольковъ*.
Типографія Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул. д. № 4.